

А. Н. Горяинов (Москва)

Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии (20—30-е годы)

В отечественной науке до сих пор еще не преодолена сложившаяся в Советском Союзе традиция: к русской эмиграции в Болгарии исследователи причисляли лишь офицеров и солдат белогвардейской армии генерала Врангеля; при этом всячески подчеркивали отрицательное воздействие эмиграции на положение в стране. Однако при непредвзятом рассмотрении фактов выясняется, что врангелевцы были только одной (хотя и весьма значительной) частью эмигрантов, а русская эмиграция в целом сыграла в Болгарии не только противоречивую политическую, но и благотворную культурную роль.

Одним из достижений русских эмигрантов стала организация образования и воспитания эмигрантской молодежи. В результате Болгария получила квалифицированные и культурные кадры, а русские эмигранты менее болезненно адаптировались к жизни в чужой стране и получили возможность дольше сохранять черты национального своеобразия.

Первое учебное заведение русских эмигрантов возникло в Варне, через которую шел основной поток беженцев из России. 23 апреля 1920 г. там начала свою деятельность гимназия, организованная группой педагогов из Одессы во главе с бывшим директором частной гимназии С. Н. Кононовичем. 17 июня того же года Русско-болгарский благотворительный комитет, созданный для помощи эмигрантам, открыл русскую гимназию в Софии¹. Возглавил ее бывший директор Третьей одесской гимназии А. П. Стефанов, работавший в тесном контакте с болгарским представительством Всероссийского союза городов — организацией, в руках которой, по существу, сосредоточилось руководство всеми русскими учебными заведениями в Болгарии. Всероссийский союз городов действовал в координации с Всероссийским земским союзом, осуществлявшим главным образом экономические программы помощи; объединял их деятельность Земско-городской комитет, располагавший определенными финансовыми возможностями для помощи эмигрантам.

Всероссийский союз городов учредил свое представительство в Болгарии примерно за полгода до эвакуации белогвардейцев из Крыма². Этим подтверждается нахождение уже в то время в стране значительного количества эмигрировавших из России гражданских лиц; о том же свидетельствует и само существование детских учреждений. Уполномоченным Всероссийского союза городов стал генерал А. В. Арцишевский, проявивший недюжинную энергию и изобретательность в поиске средств для финансирования различных культурных начинаний. Огромное внимание он уделял учебным заведениям. Большая их часть была создана благодаря усилиям Всероссийского союза городов, остальные же раньше или позже начинали работать под руководством Союза.

Наряду с гимназией в Софии Всероссийский союз городов в течение лета 1920 г. смог открыть ряд дошкольных детских учреждений и начальных школ, а также различных курсов для взрослых. К июлю-августу 1920 г. относится организация детских садов в Софии, Варне, Плевене. При детсаде в Софии работала начальная школа, готовившая детей к поступлению в гимназию, по ее образцу были затем организованы подготовительные школы в Варне и Плевене³. Помочь оказавшимся без средств к существованию людям в овладении теми или иными профессиональными навыками должны были работавшие в Софии курсы машинописи, стенографии, рисования, курсы-мастерская плетения корзин⁴. Среди эмигрантской молодежи большой популярностью пользовались курсы иностранных языков, работавшие в Софии, Варне и Плевене⁵.

1-12 августа 1921 г. в Софии состоялось совещание представителей русских беженских организаций, в рамках которого заседала культурно-просветительская секция. В представленном секции докладе «Общий план мероприятий по удовлетворению культурно-просветительских нужд русских беженцев в Болгарии» констатировалось, что для них к августу 1921 г. были открыты не только перечисленные выше детские сады, гимназии и курсы иностранных языков, но и организованный Всероссийским союзом городов детский сад в Дольне-Оряховице, начальные школы в Дольне-Оряховице, Лесковце и Месемврии, сельскохозяйственная школа-колония под Тырново, повторительные курсы в Плевене для надолго прерывавших учебу подростков, курсы иностранных языков в Русе⁶. Союз русских студентов в Варне организовал в марте 1921 г. «Курсы по пред-

метам высших учебных заведений», где изучалось несколько дисциплин, входивших в программы российских университетов⁷. Вместе с тем к моменту совещания курсы профессиональной подготовки эмигрантов показали свою несостоятельность и были закрыты ввиду недостатка слушателей: как отмечается в одном из докладов, «в громадном большинстве случаев выброшенными из России в Болгарию, оказались люди, принадлежащие к тем классам интеллигенции, которые не желали менять род занятий до этого, а ремесла если и знали, то только с любительской точки зрения»⁸.

Необходимо отметить, что учебные заведения для русских эмигрантов в пору своего становления находились в очень сложном положении. Им катастрофически не хватало средств, но, помимо материальных, значительная часть трудностей была связана с особенностями существования эмигрантов вне родины. Распыленность русских по разным регионам Болгарии привела, например, к малочисленности учебных заведений и необходимости открытия при них интернатов; незначительное число учащихся обусловило, в свою очередь, введение в школах и гимназиях для детей эмигрантов совместного обучения. Последнее было само по себе прогрессивным, но тогда стало вынужденной мерой. Жизнь заставила эмигрантских педагогов применить и другие, слабо внедрившиеся в дореволюционной России, передовые методы воспитания и обучения: необходимость обеспечить учащихся одеждой и обувью, детские учреждения мебелью и т. д. привели к введению в школьные курсы уроков труда и других элементов трудового воспитания; дореволюционные, довольно отсталые даже для начала XX в. программы русской школы дополнялись более современными по своему содержанию болгарскими, что выразилось в расширении преподавания естественной истории, рисования, введении таких предметов, как химия и политэкономия⁹; необходимым стало обучение детей эмигрантов болгарскому языку.

Болгарское правительство в целом благожелательно относилось к русским учебным заведениям: им ассигновывались средства (хотя и очень скудные), по возможности выделялись помещения, их выпускники имели те же права, что и выпускники болгарских школ и гимназий. Оказывая поддержку эмигрантским учебным заведениям, болгарские власти выражали тем самым доверие к русской эмиграции, которая, как было заявлено на совещании русских беженских организаций болгар-

ским архиепископом Стефаном, «изобилует культурными силами»¹⁰. «Русская школа в Болгарии совершенно свободна. Болгарское Министерство народного просвещения не считает себя вправе руководить делом русского образования и воспитания. Школьные инспектора лишь присутствуют на выпускных экзаменах», — отмечал в 1926 г. педагогический журнал русских эмигрантов¹¹.

Надо сказать, что качество обучения и воспитания в подавляющем большинстве учебных заведений русской эмиграции было на высоте, и в некоторые из них охотно поступали, наряду с русскими, болгары. Особенно большим успехом пользовались русские детские сады и курсы иностранных языков — первые как в результате хорошей постановки дела, так и ввиду отсутствия в Болгарии детских садов подобного типа, а вторые — из-за нехватки в стране хороших учителей иностранных языков¹².

Выступая на упомянутом выше совещании, архиепископ Стефан объявил о решении болгарского правительства разрешить въезд на территорию Болгарии 20 тыс. русских детей. В итоге стало возможным перемещение сюда детей, потерявших во время гражданской войны родных и близких, а также эмигрантов с детьми, обучавшимися в Турции и других странах.

Совещание представителей русских беженских организаций в Болгарии стало определенным рубежом в становлении эмигрантских учреждений и обществ. К моменту его проведения сложилась, в частности, довольно стройная система русских учебных заведений, состоявшая из детских садов, подготовительных и начальных школ, гимназий, учреждений внешкольного образования. Организацией сельскохозяйственной школы-колони в пригороде Тырново была заложена основа специального образования эмигрантов, действовали варненские «Курсы по предметам высших учебных заведений». Накануне открытия совещания для практического руководства системой был создан Учебный комитет Всероссийского союза городов, подчиненный его культурно-просветительской комиссии, который возглавил профессор Софийского университета И. А. Базанов.

Сложившаяся система некоторое время развивалась и совершенствовалась, но вскоре стала сокращаться и постепенно распалась. К лету 1922 г. в нее входило 19 различных учебных заведений: 5 детских садов и подготовительных школ, 6 гимназий, 7 разных курсов, 1 сельскохозяйственное училище. По дан-

ным на 15 июня 1922 г. во всех этих учебных заведениях обучалось 1805 человек, работало 174 преподавателя и 53 административно-хозяйственных сотрудника¹³. По сравнению с летом 1920 г. несколько сократилось количество эмигрантских детских садов, но зато значительно возросло число гимназий, развивались специальные учебные заведения. Более чем в 2,5 раза увеличилось количество учащихся, которых к моменту совещания русских беженских организаций было всего 663¹⁴. При средних учебных заведениях по мере возможности создавались интернаты и общежития, без которых при очень большом среди русских детей числе сирот (в Болгарии их было к началу 1924 г. 54,5% общего числа учащихся)¹⁵ и повседневной материальной необеспеченности эмигрантов было невозможно создать детям сколько-нибудь сносные условия существования.

Первой из гимназий, начавших функционировать после совещания представителей русских беженских организаций в Болгарии, была Дольне-Оряховицкая, формально открытая 15 июня 1921 г., но приступившая к занятиям несколько позже¹⁶. В январе 1922 г. на заседании Учебного комитета была заслушана информация о Пловдивской гимназии имени генерала Врангеля, основанной командованием врангелевской армии на турецком полуострове Галлиполи и затем переведенной в Болгарию¹⁷.

В конце 1921 г. руководство Всероссийского союза городов приступило к осуществлению плана перемещения в Болгарию и другие европейские страны русских детей, находившихся в Константинополе и его окрестностях.

Отправка детей была предпринята в связи со сложной внутривнутриполитической обстановкой в Турции и сокращением акции «русской помощи» стран Антанты; она осуществлялась главным образом в рамках так называемой «разгрузки» Константинополя, в ходе которой в другие страны вывозились части врангелевской армии, гражданские учреждения, инвалиды и другие категории эмигрантов. В Болгарию дети эвакуировались как группами, пополнявшими состав уже существовавшей сельскохозяйственной школы (100 человек), Дольне-Оряховицкой и Софийской гимназий (соответственно 100 и 15 чел.)¹⁸, так и целыми учебными заведениями. В страну было решено эвакуировать гимназию Всероссийского земского союза (образована в Ученическом этапно-пропускном пункте в Константинополе в начале 1922 г.) и Крестовоздвиженскую гимназию, учрежденную женой бывшего товарища министра иностран-

ных дел России А. А. Нератова. В письме к А. В. Арцишевскому от 23 декабря 1921 г. заведующая школьной секцией Всероссийского союза городов А. Жекулина, сообщая о плане эвакуации детей, просила подыскать помещения для гимназий¹⁹.

А. В. Арцишевский выполнил поручение очень быстро. К февралю 1922 г. болгарские власти передали под гимназии здания в городах Пештера и Шумен²⁰. Крестовоздвиженская гимназия была переведена в Пештеру уже к концу февраля 1922 г.²¹; переезд же гимназии Всероссийского земского союза в Шумен задержался до начала апреля в связи с ремонтом и переоборудованием предназначенного для нее здания дивизионного лазарета²².

В начале мая 1922 г. только что начавшую функционировать в Болгарии Шуменскую гимназию осматривал председатель Учебного комитета И. А. Базанов. В своем «рапорте» А. В. Арцишевскому он высоко оценил воспитательную работу в гимназии и отметил, что «через всю жизнь школы» проходит «трудо-вой принцип», помогающий учащимся «в порядке занятий ручным трудом» обзавестись элементарной мебелью, поддерживать чистоту и т. д.²³. Несмотря на усилия гимназистов, «уют и комфорт» в Шуменской гимназии были, впрочем, весьма относительными — там имелся, например, школьный лазарет, но ввиду нехватки средств не было возможности увеличить мощность водопровода, привести в санитарное состояние туалеты, улучшить отопление помещений²⁴. Подробные сведения об учебной работе в гимназии в изученных нами источниках отсутствуют, но известно, что к началу 1924 г. там работали физический и химический кабинеты, имелась библиотека с пятью тысячами книг²⁵. Руководители гимназии выступили с инициативой разделить восьмой (выпускной) класс на классическое и реальное отделения²⁶ (это было в русских учебных заведениях новшеством), так как педагоги констатировали у эмигрантской молодежи сильную тягу к изучению естественных и технических дисциплин²⁷.

Шуменская гимназия оказалась, вместе с Софийской, наиболее долговечным русским учебным заведением в Болгарии: последнее упоминание о ней в изученных нами документах относится к 1930 г. Тогда существовали также Софийская, Варненская и Пештерская гимназии (две последних были к тому времени переданы английским и американским благотворительным организациям и к началу 1930/31 учебного года их

намеревались ликвидировать)²⁸. Что же до других гимназий, то во второй половине 20-х годов они уже прекратили существование²⁹.

Причины ликвидации русских гимназий были связаны, по-видимому, как с естественным сокращением числа учащихся, так и с недостатком средств. «Я думаю, что через два года мы оставим только две гимназии, в Софии и Варне, — писал А. В. Арцишевский 2 июня 1926 г. в Париж одному из руководителей Всероссийского союза городов князю П. Д. Долгорукову, — и в этом виде будем ждать переезда в Россию (по-моему, не дождемся)»³⁰.

Наметившуюся тенденцию А. В. Арцишевский расценил правильно. К 1930 г. в Болгарии не только сократилось количество гимназий для эмигрантов, но и были закрыты все детские сады. Наиболее распространенным типом детских учреждений в это время стали детские дома. Самый крупный из них (132 воспитанника) находился в Софии. Существовали также детские дома в Варне, Бургасе, Пернике, Тырново — в них оставалось по несколько десятков человек³¹.

Выше уже была отмечена тяга русской эмигрантской молодежи к реальному образованию. Прежде всего, это создало благоприятную почву для становления сельскохозяйственной школы-колонии в окрестностях Тырново. Задуманная в Главном комитете Всероссийского союза городов как низшее сельскохозяйственное учебное заведение, она уже через несколько месяцев после официального открытия была преобразована в среднюю шестиклассную сельскохозяйственную школу по типу земледельческих училищ России. В результате переговоров А. В. Арцишевского с представителями болгарского правительства и духовенства для школы были выделены заброшенные старинные здания находившихся неподалеку друг от друга Копиловского и Плаковского монастырей (Плаковский монастырь Святого Ильи — один из древнейших в Болгарии, основан в XIII в.) с прилегающими монастырскими землями площадью 110 га и двумя мельницами. Первоначально сюда были вывезены с острова Лемнос (Турция) «дети исконных русских хлебопашцев», обучавшиеся ранее в эвакуированных с Кубани народных школах. К лету 1922 г. здесь учились мальчики и юноши в возрасте от 9 до 19 лет и старше, главным образом кубанские и донские казаки, а также калмыки. Кроме русского священника в состав учителей был включен «преподаватель буддийской мо-

рали и одновременно воспитатель калмыков». В училище работали также опытные практики сельского хозяйства — фермер, скотник, огородник и др. При училище существовали слесарная, столярная, портняжная мастерские, летом учащиеся большую часть времени работали в поле; они обставили классы и спальни самодельной мебелью, обеспечивали себя продовольствием³². Однако уже к началу 1924 г. количество учащихся сократилось до 112 человек, т. е. более, чем на треть³³, и к 1930 г. училище пришло в полный упадок — там обучалось всего 20 человек³⁴.

Другое среднее специальное учебное заведение было создано русскими эмигрантами для подготовки технического персонала, в котором Болгария испытывала острый недостаток. Первое упоминание о проекте «Подготовительных инженерных курсов», учреждаемых «группой русских инженеров и профессоров», относится к сентябрю 1920 г.³⁵. Однако Учебный комитет одобрил план создания среднего учебного заведения, представленный инженером А. Ф. Новицким³⁶, лишь летом 1921 г. Занятия на курсах начались 30 сентября 1921 г. Сначала они были девяти, а с августа 1922 г. — одиннадцатимесячными, с трехмесячной летней практикой. Учеба проходила по вечерам в классах и мастерских Софийского механического училища на трех отделениях — дорожно-строительном и архитектуры, электротехническом, механическом. Большинство курсантов имело полное среднее образование, остальные окончили не менее шести классов реальных училищ или гимназий, многие пришли на курсы из воинских частей врангелевской армии. Курсанты, выдержавшие выпускные экзамены, получили дипломы техников³⁷.

Курсы пользовались популярностью у эмигрантов, чему в немалой степени способствовали хорошие перспективы получить работу — курсанты первого выпуска «почти все... устроились по специальности»³⁸. Успешная деятельность курсов привлекла к ним внимание американских благотворительных организаций. Всероссийский союз городов искал, со своей стороны, спонсоров, рассчитывая с их помощью расширить программу и превратить курсы в двухлетний политехникум. На основе общей заинтересованности возникли контакты с американской организацией «Христианский союз молодых людей», взявшей на себя со временем финансирование курсов. Политехникум на базе курсов, однако, создан не был — американцы реорганизовали их в Практические технические курсы с шестимесячным

сроком обучения. Открытие реорганизованных курсов состоялось в декабре 1922 г. На торжественном молебне присутствовали болгарский министр народного просвещения Оморчевский, личный представитель болгарского царя Бориса III, посланники стран Антанты, другие официальные лица. Количество обучавшихся на курсах увеличилось до 330 человек; тем не менее для зачисления необходимо было пройти жесткий конкурсный отбор³⁹.

Американцы сохранили на курсах русского директора (им вместо А. Ф. Новицкого стал инженер Барановский) и русских преподавателей, но одновременно общее руководство курсами перешло к представителю «Христианского союза молодых людей» американцу Смигу, заниматься «духовным развитием» курсантов было поручено «мистеру Арнольду», а на учебу наряду с русскими эмигрантами было принято 30 болгар⁴⁰. Таким образом, всего спустя год после начала деятельности технические курсы стали утрачивать русскую национальную специфику.

Если в области естественных и технических наук русским эмигрантам в Болгарии удалось добиться подготовки в своих учебных заведениях хотя бы специалистов среднего звена, то в гуманитарной области их успехи были гораздо менее значительны. Гуманитарные дисциплины изучались на «Курсах по национальным предметам» для русских учащихся французского колледжа в Варне, которые давали знания в объеме средней школы по русскому языку, истории и географии России, Закону Божию. Курсы работали при русском культурном центре в Варне — Русском доме, занятия проводились еженедельно по четвергам, их продолжительность не превышала двух часов⁴¹. Численность учащихся курсов летом 1921 г. составляла 25 человек⁴², летом 1922 г. — 37⁴³, а к 1930 г. сократилась до 8 человек⁴⁴.

В условиях Болгарии, где существовало всего три-четыре высших учебных заведения и с учащимися взималась высокая плата за обучение, эмигрантской молодежи часто было недоступно высшее образование. Однако все попытки организации там русской высшей школы окончились безрезультатно: русским эмигрантам удалось создать только учебные заведения, не дававшие полноценного образования и не имевшие официального статуса.

Первое учебное заведение подобного рода — «Курсы по предметам высших учебных» заведений в Варне. Они были органи-

зованы варненским союзом русских студентов с целью «облегчения проживающим в Болгарии русским возможности получить высшее образование». Курсы открылись 10 марта 1921 г., их первыми слушателями стали 34 человека из числа членов Союза и других эмигрантов, желавших приобщиться к высшему образованию. К августу число слушателей увеличилось до 56 человек, но подавляющее их большинство было «людьми, совершенно неимущими, принужденными добывать себе средства к существованию личным трудом», главным образом в качестве «портовых грузчиков, фабричных рабочих и так далее», и не могло оплачивать расходы по содержанию курсов. Не было и других постоянных источников финансирования, вся деятельность курсов строилась на общественных началах — занятия проводились по вечерам в здании болгарской мужской гимназии, преподаватели вознаграждения не получали, денег часто не хватало даже на канцелярские расходы.

Возглавлял курсы бывший старший руководитель офицерской артиллерийской школы в Царском Селе генерал-майор Н. М. Добровольский. Преподавала эмигрантская научная молодежь, которая, как отмечал ознакомившийся с работой курсов в мае 1922 г. И. А. Базанов, «полна энергии» и «старается дать студентам возможно полный комплект знаний по предметам, ими преподаваемым». Однако, озабоченность Базанова справедливо вызывала разрозненность преподаваемых предметов, не позволявшая слушателям развивать свои знания в систематическом порядке. Базанов отмечал также, что слушателей курсов морально поддерживает надежда получить стипендии в вузах Чехословакии и что если эта надежда рухнет, то на курсах останется не более 8–10 слушателей. Такая опасность была вполне реальной, никаких прав окончание курсов не давало, все хлопоты их правления оставались безрезультатными⁴⁵.

К июню 1921 г. относятся первые упоминания о планах создания в Болгарии Русской высшей школы — пользующегося всеми правами высшего учебного заведения для эмигрантов из России⁴⁶. Школа должна была состоять из двух факультетов — юридического и филологического. На них предполагалось обучать примерно 1200 студентов, набранных в Болгарии и Турции. До начала августа была проделана значительная подготовительная работа: проведен сравнительный анализ стоимости обучения в Софийском университете и планируемой школе, составлена смета, определен круг изучаемых дисциплин, наме-

чены кандидатуры преподавателей из числа русских и болгарских профессоров, найдено помещение для занятий, организовано платное общежитие для студентов⁴⁷. 13 октября 1921 г. Главный секретарь болгарского Министерства народного просвещения официально уведомил А. В. Арцишевского о разрешении открыть в Софии Русскую высшую школу⁴⁸. В конце октября можно было бы начать занятия, но в последний момент дело сорвалось: отказали в средствах представители стран Антанты и американские благотворители. Самый крупный из последних миллиардер Вандерлип заявил А. В. Арцишевскому и И. А. Базанову, что «по его глубокому убеждению, изучение права и филологии в современных условиях является роскошью, на которую нельзя тратить деньги...»⁴⁹. Неудачно окончилась и предпринятая спустя год попытка открыть Русские высшие юридические курсы, готовящие специалистов «по программе юридических факультетов российских университетов с добавлением предметов коммерческого образования»⁵⁰.

Безуспешность предпринятых усилий по организации русской высшей школы привела, по всей вероятности, к возникновению идеи о замене полноценной высшей школы образовательным учреждением культурно-просветительского характера, посещение которого, не давая формальных прав, должно было помочь эмигрантам в повышении культурного уровня и овладении некоторым запасом знаний. Организация «Русского народного университета», как стало называться новое учебное заведение, вновь пала на плечи А. В. Арцишевского. Народный университет был открыт 3 апреля 1927 г. (последнее упоминание о нем в архивных документах относится к августу 1931 г.)⁵¹. Основная задача, которую ставили перед ним организаторы, заключалась в «заполнении того поистине огромного провала, который образовался в душе и сознании... молодого... поколения вследствие отрыва его от родины»⁵². Этой цели намеревались достигнуть путем чтения платных лекций, проведения семинаров, бесед, концертов и спектаклей. Занятия предполагалось посвящать истории, экономике и культуре России, ее современному состоянию, а также «новейшим достижениям в области естественных и технических наук». В документах о создании университета подчеркивалась также необходимость расширять кругозор слушателей «в области славянства — его задач и отношения к нему России»⁵³. Работу Народного университета возглавил Ученый комитет во главе с историком и лите-

ратуроведом профессором П. М. Бицилли. Кроме А. В. Арцишевского, взявшего на себя все хозяйственно-распорядительные обязанности, в него вошли коллеги Бицилли по Софийскому университету — правоведы И. А. Базанов и П. М. Богаевский, экономист С. С. Демосфенов, физик К. И. Иванов. В университете читали лекции не только наиболее квалифицированные представители местной эмигрантской колонии, но и русские ученые из Праги, других центров эмиграции. В эмигрантской среде Русский народный университет пользовался большой популярностью: в среднем его посещало около 200 человек. Лекции читались по самой разнообразной тематике, но в основном связанной с Россией. Другие формы занятий кроме лекционной в Русском народном университете большого развития не получили⁵⁴.

Приведенные цифры и факты свидетельствуют о том, что в Болгарии русским эмигрантам «первой волны» удалось создать единую систему учебных заведений, рассчитанных на удовлетворение интересов и образовательных потребностей всех возрастных групп беженцев из России. Наибольшего развития сеть русских учебных заведений в Болгарии достигла в 20-е годы, но уже к концу десятилетия наметилась совершенно определенная тенденция к ее сокращению. Несмотря на значительные трудности, связанные как с отсутствием средств, так и со спецификой эмигрантской жизни, русские учебные заведения в Болгарии осуществляли обучение на достаточно высоком уровне и пользовались доверием болгарского общества, поддержкой болгарских властей.

Примечания

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5766. Оп. 1. Д. 184. Л. 13-14.
- ² Там же. Д. 3. Л. 38.
- ³ Там же. Ф. 5767. Оп. 1. Д. 52. Л. 79-82.
- ⁴ Там же. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.
- ⁵ Там же. Д. 10. Л. 97-101, 117-121.
- ⁶ Там же. Ф. 5767. Оп. 1. Д. 52. Л. 79-81.
- ⁷ Там же. Л. 83-83 об.

- 8 Там же. Л. 45–45 об.
- 9 Долгоруков П. Д. Русская беженская школа // Русская школа за рубежом. Прага, 1923. № 1. С. 78.
- 10 Совецание представителей русских беженских организаций в Болгарии в Софии 1–12 августа 1921 г. София [б. г.]. С. 22.
- 11 Кожина-Заборовская М. Материалы по истории русской школы за рубежом // Русская школа за рубежом. Прага, 1926. № 23. С. 525.
- 12 ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 3. Л. 39 об., 41.
- 13 Там же. Д. 13. Л. 42–43.
- 14 Там же. Ф. 5767. Оп. 1. Д. 52. Л. 32.
- 15 [Руднев В. В.] Зарубежная русская школа, 1920–1924. Париж, 1924. С. 277.
- 16 ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 13. Л. 180–181.
- 17 Там же. Д. 6. Л. 27.
- 18 Там же. Д. 7. Л. 242–243.
- 19 Там же. Д. 13. Л. 238–239.
- 20 Там же. Д. 7. Л. 231–232.
- 21 Там же. Л. 229–230.
- 22 Там же. Д. 8. Л. 239–240; Д. 184. Л. 13–14.
- 23 Там же. Д. 13. Л. 69–72.
- 24 [Руднев В. В.] Указ. соч. С. 53.
- 25 Там же. С. 54.
- 26 ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 6. Л. 39.
- 27 Там же. Д. 13. Л. 43–52.
- 28 Там же. Д. 184. Л. 13–14. Впрочем, Варненская гимназия еще существовала в октябре 1931 г. (Там же. Д. 215. Л. 87).
- 29 Там же. Д. 13. Л. 43.
- 30 Там же. Д. 72. Л. 135.
- 31 Там же. Д. 184. Л. 13–14.

- 32 Там же. Д. 13. Л. 21-26.
- 33 [Руднев В. В.] Указ. соч. С. 231.
- 34 ГАРФ. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 184. Л. 13-14.
- 35 Там же. Ф. 5767. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.
- 36 Там же. Ф. 5766. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
- 37 Там же. Д. 8. Л. 184-186; Д. 13. Л. 166-168; Д. 14. Л. 54.
- 38 Там же. Д. 8. Л. 145-150.
- 39 Там же. Д. 7. Л. 5-12.
- 40 Там же. Д. 8. Л. 85.
- 41 Там же. Л. 247-248.
- 42 Там же. Д. 7. Л. 318-326.
- 43 Там же. Д. 13. Л. 42-43.
- 44 Там же. Д. 184. Л. 13-14.
- 45 Там же. Д. 11. Л. 22, 61 об.; Д. 13. Л. 69-72; Д. 52. Л. 83-88 об.; Д. 54. Л. 130.
- 46 Там же. Д. 7. Л. 343-348.
- 47 Там же. Д. 11. Л. 52-53; Д. 14. Л. 108-119, 127-128.
- 48 Там же. Д. 14. Л. 126.
- 49 Там же. Д. 10. Л. 1-3.
- 50 Там же. Д. 8. Л. 174-183.
- 51 Там же. Д. 71. Л. 50; Д. 94. Л. 12.
- 52 Там же. Л. 60-61.
- 53 Там же. Л. 7-8.
- 54 Там же. Д. 143. Л. 85-87.